

Фёдор Ермошин
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕРЫ
Новые стихи

Часть первая

* * *

Пахнет грибами, землею. Метла
С шарканьем чешет асфальт
Где-то поодаль. Сгораем дотла
И прорастаем едва.

Мы притащили рассаду в горшках,
Лука слоистые бульбы.
Голое дерево, будто река,
Ветки – как будто сосуды.

Те же прожилки на желтом листе
С прелой и рваною кожей.
Тот, что упал равен с тем, что цел:
Кровно, как братья, похожи.

Я так прерывисто нынче дышу,
Вижу в окошке аллею,
Слышу метлу, поливаю лучок,
Падаю и пламенею.

Или мне чудится? Я ведь один
С миром округи осенней.
С дерева лист – словно падаем ниц.
Лук подрастает - веселье.

20-21-22 сент. 2005, Москва, около школы № 1265.

* * *

Я нашёл на земле батарейку
И вставил в часы
И часы неожиданно – ходят.
Я подвел их, чтобы чуть-чуть спешили,

И поставил себе на полку.

21 сент. 2005 г.

* * *

Я сижу у фонтанов небьющих,
Солнце кроны и листья пятнит.
Небо синее сводом могучим
Надо мною. Когда мы ясны,

Все мы – зеркало синего неба,
И сегодня нет трещин во мне
От неверья, соблазнов и тлена.
После обжига в жарком огне

Так финифть иль лазурная плитка
Чрез горнило выходит на свет.
Чтобы ей не сгореть, не погибнуть,
Не рассеять свой верный цвет,

Плитке надо быть твёрже и крепче
При смущении красным огнём.

Каждый может быть цельною вещью,
Ведь Создатель печётся о нём.

27 сент. 2005.

* * *

Наступила правдивая осень,
Как правдиво-обидна молва.
Лес тощает, а воздух приносит
Капли влажного ветра в лицо.

Я сидел в нашем тёплом доме,
Со ступенек неверен шаг.
А мои из «Ашана» вернулись,
Заноси, кричит мама, еду.

14 октября 2005.

* * *

Мы понапрасну тратим дни свои,
И очень часто втуне пропадают
Их зёрна спелые. Но в золоте листвы
Последний луч пока ещё гуляет.

Последний луч, тепло своё раздай,
И просвети листву аляповато,
Ведь благородна эта пестрота
И царственна осенняя растрата.

А я, как ты. Всю жизнь – единый день -
Для разоренья только был и нужен.
И с нею разделю пред сходом в тень
Всё до конца, до кванта и полушки.

Сент, 10 дек. 2005, 3 февр. 2006.

* * *

Не говори о том, чего не знаешь,
К примеру, что несчастна. Счастье лучше
Учёту поддается, чем бедовость,
Ведь счастье и не требует сравнения,
Беда – кичится собственным уродством,
Ревниво, будто светская старуха,
И своенравно в зеркало глядит.

Не сравнивай вчера с сегодня. Море,

К примеру, никогда ты не сравнишь,
Ведь каменность ему нельзя задать.
Но часто мы, как мастер непутевый,
Что нарезает плитку на кухне,
В чьём языке смешались «майна», «вира»,
Играем в мудрых, вот и говорим:

Вчера, сегодня, или – послезавтра...
И лишь несчастье время замечает,
В нем ведом страх перед чужой душой,
И гибели своей, чтоб ту понять.
Я здесь, с тобой в несчастье одиноком,
Хоть слёз твоих боюсь: как наважденье,
Химер давнишних в двери громкий стук.

Дай мне сказать. Секунды утекают,
И костенеет речь, и время снова
Берет разгон, и я всё меньше властен
Не то что над судьбою – над слезою,
Всё меньше жизни вкладываю в слово,
Всё меньше слово дышит как живое, -
Так умирает осенью цветок...

Мы разыграли драму понимания.
Но выслушай: отдай другому беды,
Тому, кто любит – и на перебитом
Крыле уволочёт твои невзгоды,
И промолчит про завтра терпеливо,
И на себя примерит эти беды...
Отдай, он их навеки унесёт.

Не возражай, я в доводах натаскан
Заранее, как знает старый узник
Наперечёт царапины на стенах.
Да, это так, и жалость больно жалит,
Как будто бы крапивная рубаха,
Поскольку не любовь, а только воля,
Но если любишь – жертву ты прими.

И рассветет, а мы рассвета ждали,
Чтоб ящерица с камня прошлой жизни
Сбежала, сгустки тёмной ночи

Рассеялись. И мы с тобою дышим,
Как будто только встретились руками,
И снова неподвижным станет время:
Кудель, что резво льнёт к веретену.

14-16, 24, 25, до конца октября, 13,29, 30 ноября, 4 дек. 2005.

* * *

Время – только рост, не больше.
Он неволен, этот рост.
Жизни ветка, отпрыск рощи –
Всё для следующих гнёзд.

Кто придёт за нами следом
В нашу гулкую весну? -
Спросит дерево соседа.
А потомок тут как тут.

Тоже будет разрастаться,
И терять, и в стужу – стыть,
Чтобы было каждой птице
Место в будущем году.

16 окт., 21 окт. 2005.

ИЗ ЧУЖИХ ТЕТРАДЕЙ

1

НА ЛЕКЦИИ

Я смотрел, как ты пишешь, и левой

Проверяешь, ровны ли слова.
Это «ты» сорвалось оготело
И приблизился к краю овал.

Но пока на плантации зимней
Ты возделала грядки страниц,
Я хотел твоего невниманья
И презренья ко мне сквозь ресниц.

Повернешься ли, вскинешь ли руку,
Утомленную после письма,
Чтобы челку поправить и грубо
Взглядом бросить на землю меня?

Только почва уж пахнет тобою,
И в секунду, когда был закат,
Мне казалось всё это любовью
И моя полыхала тетрадь.

Дай же влажный твой почерк запомнить
И проталины строчек твоих,
Перед тем, как вернуться на поле,
Где озимое слово, и снег...

31 окт. – 1 ноября 2005 г.

Город есть фонарный выхват.
Ничего, что я на ты?
...И сиреневого меха
Клочковатые цветы.

Кто поймет твой смуглый облик,
Схватит кисти бледных рук,
Их накрыв ладонью тёплой
Кто вернёт им прежний юг?

Я – не он, лишь отражаюсь, -
Нас витрина раздвоит, –
На асфальте вслед за шагом
Стоп пружинящих твоих.

Ты меня уже не выпьешь
Через трубки алых фраз.
Я на снег до капли выплакан.
Прошла, и я погас.

Мне тебя почти не жалко.
Там трамвайные пути,
И лоснится от рекламы
Тёмных улиц мнимый стыд.

Проходи скорее мимо
Сих щебечущих огней,
Задевая веток дымных
Прутья, мимо их локтей.

Стекла, вы же - не мигайте,
Наготу её зимы
И черты её и тени
Не впускайте в москвосны.

Впрочем, как она захочет.
...И змеятся вслед за ней
Взгляда алая дорожка
И позёмки льдистый смех.

20-22 дек. 2005

* * *

Мам, не кричи. Я уже не могу
Сдерживаться и молчать.
И душа выходит из берегов
От брошенного кирпича.

Нам уже всё равно, кто кому палач:
Горе кухонных криков.
Мат перемешан с рыданиями. Плач
Слеплен с паркетным скрипом.

Слёзы мои из глазниц выдирать
С мясом, как пуговики на рубахе,
Что в скандале оторваны, станешь, мать:
Гнев и сознание краха.

Задышаться от пахнувших гарью пени
Нам. От боли, чесночного ора.
Я прошу, подари мне на день рожденья
Три часа тишины коридорной.

19 ноября 2005.

* * *

Я с детства был приучен к ору,
И к невоздержности в речах.
Взамен живому разговору
Я немоту предпочитал,

И ожидал прикосновенья
С предощущеньем ремешка,
И так и прожил от рожденья
До дней сегодняшних, пока.

Я изживаю это с силой.
Но я склоняюсь уходить.
Я не боюсь, что все вы злые,
Боюсь твоей живой любви.

25, 30 ноября 2005.

ВЫСОКОМЕРИЕ

Бросал ли мяч невнятной лести,
Сбивал ли кегли дней своих,
Обидами даря и вместе
С тобою же коснея в них,
Тонул ли в белоснежной лаве,
Захлёбываясь и кипя
В каком-то диком пополаме –
Я всё же не жалел себя.
Ты этого не понимала,
Не хочешь видеть и теперь,
Как много сил берет начало,
Как много требует потерь.
Потеря – как бы смертный выхват,
Как спрыг с подножки на ходу:
Сбежать от прежних выгод тихих
На ветреную высоту:
Пульсируй, пламенная жила!
Перегоняй всё, так, как есть,
И если кровь вольна, то сила
В ней содержащая, и взвесь

Веществ соленых и природных
Сама за правду постоит,
И разверну ладонь свободно
Разлучиной былой горсти.
А мы с тобою станем слиты
Той пятипалою рекой,
И букв сбегут эритроциты.

Тогда и будет *мне* покой.

Декабрь 2005 – 11 января 2006.

* * *

Д.

Весна невовремя – вот и тревожит сердце
И отдает ударами в живот.
Москва с тобою мне дороже солнца
Италии всей и мрамора её.

Но въелись иностранной позолотой
В простой узор родного языка
Романские нелепые красоты
И асколянская тоска.

Хочу дешевой курткой накрыться,
Жить привкусом родного молока.
Резная площадь, серая волчица
Ступает по ладоням чужака.

2 марта 2006, Асколи Пичено.

* * *

Когда дорога замолчит,
И мне не нужно будет драться,
Я руки вытяну к печи,
И пламя будет разгораться.

И ты нальешь мне молока,

А я тебе отдам страницы.
Мы будем жить наверняка,
И вечность долго будет длиться.

Прости, что я труслив и слаб
И только горем обеспечен.
Культура – хрупкая от зла
Защита. Мир сильнее речи.

Но выше выпренных красот
И риторических извивов
Твоя любовь – и это всё,
Что нужно, чтоб промолвить: Vivo.

Всем человеческим во мне
Я Богу чрез тебя обязан
И потому в моей стране
Я не пишу стальных рассказов

И чёрных песен не пою...

.....

4-6 апреля 2006.

* * *

Ты стала памятью моей и плотью.
Ты стала мной.
Спала. Кровать плескалась лодкой,
Под влажною зеленою волной.

Во сне морском, в покое полном -
Ты здесь иль нет?
Но я во тьму взглянул и понял:
Ты не спала, ты улыбалась мне.

7 апреля 2006.

* * *

В медовом сплетении уст и волос
И в проблеске глаз, для меня предназначенном
Я всё же тебя не увижу насквозь
И вновь упиваюсь такой неудачей.

Как быстро и веско пришёл новый день:
Одна суета! А волнение помню,
Как лодка стучалась в прибрежную сень
И лоно сжималось и влажно и томно.

Внезапной улыбкой, иль смехом, иль сном
Какой-то забывчивой, сбивчивой фразы
Мне вздох свой напомним в квартире ночной
И я к тебе снова навечно привязан.

6 июня 2006.

* * *

Всё тот же стол, что был пять лет назад.
Грозит гроза за строящимся домом.
Сереет небо, воздух душноват,
И свеж одновременно. Мне знакомо

Предощущенье будущих дождей.
Еще роднее следующий будет
От каждого, что был за десять дней,
За тыщу лет пред тем, за сотню судеб.

Я род людей, я сам гроза и лес,
Я часть того, что миром создается,
Что щупается – в масляной земле
Грибами прорастает, что зовется

Травой, водой, ручьями, роковой
Чернеющей громадой мертвых кранов,
Того, что назовет уже другой
Потомок прародителя Адама.

Шумит листва, но дождь ещё нейдет.
И рухнул гром огромною машиной.
Ему в ответ и вторит и орет
Ау! сигнализация машины.

14 июля 2006.

* * *

1

В своих стихах ответа не найду,
Как люди пересиливают горе,
Как вера в жизнь сворачивает горы,
И позволяет выживать в аду.
Бумаги, протоколы, курсовая
В мозгу теснятся суетной толпой,
И мы забыли, что стоим у края,
У берега судьбы как таковой.
Как победить абсурд? Убить убийцу?
Куда от плача спрятаться родных?
Как жить, и как смотреть друг другу в лица,
Когда тебя среди нас уж нет в живых?
Нам остается помнить о тебе.
Молиться за тебя, и дорастая
До смерти – верить, верить в Божий Свет,
Жизнь даровавший сущим во гробех.

Но смысла страшной смерти мы не знаем.

14 сентября, завтра похороны Кати. 15 сент. 2006.

2

Год назад тебя убили.
Мы живем, живем.
Ближе к встрече замогильной
День за днем.

Мёртв давно уже убийца
И взрослей, взрослей
Наши сумрачные лица.
Осень на земле.

Смертный ужас тех, кто дышит
Вылечить нельзя.
В горе нужно тише, тише
Голоса.

Колокол зауспокойный
Убавляет боль.
Верим, ты в садах Господних.
Бог с тобой.
С тобой.

13 сент. 2007.

* * *

Что мне осталось от бывшего?
Я взрослым чувствую себя.
Зерном, упавшим в подпол – слово.
О нем я думаю, скорбя.

Любовь увязана со страхом –
Так свечку держат на ветру.
Отечество – с родимым прахом.
Что остается? Рванный труд.

16 окт 2006.

Часть вторая.

* * *

Две статуи стоят, и смотрят друг на друга,
Не в силах подойти на шаг один.
Он – мраморные волосы потрогать, каменные руки
Своей рукой холодною схвати.

Она – закрыть глаза, и в предвечернем мраке

Усесться поболтать на влажный пьедестал,
И ногу выпрямить, и выплясать те знаки,
Которых он так ждал.

Пусть осень снова в пряди завивает
Волнистые снопы заученных волос,
Дождем живот её горячий оmyвает,
Но он не ступит шагу под откос.

В его руке усидчив каждый мускул,
Он статен, бел, и широтой бельма
Глядит на плеч покатость, мяч крутой, и узкий
Разрез на юбке мраморного льна.

Река меж ними парковой аллеи.
Но светом сумрачным дорогу осветив,
Луна и звезды гаснут, и белеет
Рассвет на месте бывших черных ив.

Стучать по пальцам льду осенних градин.
И зяблой коже – сырости урок.
Стоять среди людей, молчать, не преступив преграды,
И не разбившись впрах, как глиняный горшок.

25 октября 2006 г.
(Спросонья и до полпервого дня.)

* * *

Но мы ползем по огненной земле,
Когда есть неба спелая горбушка,
И свежестью своей оно сильней
Заботы о прописке и клетушке.

Забыть бы быт, как забывают плед,
Изъеденный до дыр всегдашней молью,
Укрыться б одеялом из газет,
Как бомж на лавке жгучею зимою.

Сухой бумаги, жухлых сигарет
Морозный воздух запахом торгует.
Дремать под перекличку снегирей,
Бессмыслицу их речи дорогую.

С утра найти утерянную нить,
Нащупать телеграф рябого пульса
Земли, и эту верность сохранить,
Тогда, быть может, смерть меня отпустит.

Но твердый холод крашеной спины
Мне руки накалил до покраснения.
Душа стучит в припадке седины
От беса центробежного хотенья.

2-3-4 декабря 2006.

* * *

Асе Фроловой

Вера сидит у окошка.
Ветер гремит стеклом.
Ей осталось немножко
За белым круглым столом.

Завтра она уедет
Жить в другую семью.
В овраге возятся дети
Забыв подругу свою.

Солнце осенней ржавью
Подкрашивает забор.
Зачем она уезжает
Давно умолк разговор.

Клевер и белая кашка
Растут среди турников
Она им уже не расскажет
Своих нескладных стихов.

Кожаные чемоданы
С набойками по углам
Готовы грохнутья прямо
К тяжелым его сапогам.

А скрипкие половицы,
Шершавые лица стен,
А фото красивой птицы,
И возгласы хризантем?..

Томителен долгий поезд,
Что едет за ней в пыли.
В комнате детский голос:
Верочку увезли.

19-22-23-24-25-26 декабря 2006.

* * *

Остается шум, река, рукав

Без руки. Но ты и не перечишь,
И летишь, себя не разобрав,
В перьях – воск, и случаи, и встречи.

Пролети в последний раз над дном
Милой жизни, по-над белофлажьем,
Между криком легким и копьем,
Там, где копать, грохот, глад и жажда.

Всякий просвист птичьего крыла,
Каждый вздох сей перепелки ветхой,
Что дрожа собою, берегла
Тело это, словно память века,

Весь поток, вся жизнь, весь этот труд
Взмахов – оправдается по вере.
Ничего с собою не берут.
Раздеваясь, закрывают двери.

Серый раструб, стылая река.
Ни вскормить, ни восскорбеть не в силах.
Нет ни рук, ни рта, ни огонька,
Всюду только лапочки босые.

Не пугайся, я и сам такой,
На себя глядящий в глянец водный.
Сверху все снежнее, и покой.
Там с тобою было б нам свободней.

Птица ты, душа моя, печаль –
Коли струшу; радость – коли смел я.
Камень может падать и молчать,
Но летать он вовсе не умеет.

Камень – тяжесть. Птица не придет.
Не взмахнет отвесными крылами.
Птица, птица, кто тебя убьет,
Сам не птица, а всего лишь камень.

8-9 февраля 2006.

СТАНСЫ

Скоро станем восхищаться,
Как величием пирамид,
Грацией подземных станций
И готичным зданием МИД.

То, что строили босые,
Тонкорукие зэка,
Станет нравиться России
Наподобие лубка.

Золоченою пшеницей
Отягченные снопы
И с подъятою десницей
Счастья общего столпы.

Всё, что на волнах повынес
Черный века океан,
Поворачивает выю,
Молча смотрит в окна нам.

Те, кто мер во рвах железных,
Те, кто кушал лебеду,
Были зодчески полезны
В замурованном году.

У Москвы, благодаря им,
Есть большой советский стиль.
Так мы бодро повторяем,
А над ними спит ковыль.

4-7, 8, 9 марта 2007.

* * *

*Бойся меня, ненавидь
Переставай читать
Статьи и стихи мои
Мне их не перестать*

*Хай меня, не жалея –
Я ведь всего лишь стол,
Я ведь всего лишь клей,
Акации клейкий листок.*

*Я ведь всего лишь свист,
Мерещащийся во тьме
Усадебной. Ненавидь,*

Это не больно мне.

8 марта 2007.

* * *

Ты помочь не сможешь мне.
Без тебя, как без руки.
Я, как будто, без руки.
Может, мама мне поможет,
Но она помочь не сможет.
Я без мамы, как без рук,
Будто без обеих рук.
Может, мне поможет друг.
Но ответил друг упруго:
Ты скрываешь свои руки,
Значит, ты уже не тот,
И тебя погибель ждет.
Я наедине с березой,
Заскорузлой и промерзлой.
Облетает берестá,
Вьется, рвется берестá.
Дай, сказал я ей, береза,
Мне рукой твоей побыть,
Под тобою мне, береза,
Разреши чуть-чуть повыть.
Ветер дул, дул, дул,
Федя выл, выл, выл.
До свидания, береза,
Лучше я домой пойду.
Понял я: везде на свете
Дует хладный, зимний ветер.
Но не всем, березка,
Свойственно геройство.
Дома мерзнут руки
Без моей поруки.

11 (ночь, день), 12-е марта 2007.

* * *

Во сне мне школа плюнула в лицо.
На лестнице ребята гарцевали,
И харкали в меня – и с верхних этажей
Мне что-то говорили, издевались.

Я подходил, приемы карате
Им демонстрировал, и ставил блок ногами.
И тут же с ними драться не хотел,
Я понимал: они лишь злые малые.

Но как их взгляд был по-свечному остр,
И щеки восковы, и ночью желтой –
Иль то был день – их злая молодость
Как больно жалила: пошел ты.

14 марта 2007.

НАТУРАЛИСТ

На лице позитивиста
Вдруг лучится этот свет.
Пониманье птицы свиста,
Озарение в листе.

Та любовь – неотраженна,
Настоящая она.
Что же, словно сахар жженный,
Так острит тебе весна?

Может, ты не отказался
От последних колб своих,
Может, ты не отказался
От своих мудреных книг?

Но разбуженный землею
Тает чахлый черный снег.
Сам не знаю... Выйду в поле,
Там весней, а не грязней.

Там трава пронюхивает воздух,
И стремится ввысь, и на мысках
Тянутся живые перворостки.
Кто им позволяет делать так?

*Уж наверно, есть добро на это.
И стыдиться нечего, и шелк
Будущей травы зовет к ответу,
Выдоху: я кажется, нашел.*

14 марта 2007.

* * *

Всё кажется чужим, как Деррида,
И, разрастаясь на созвездье,
Я больше не приду сюда,
Хотя мне страшно это никогда,
И так упруга власть твоих предместий.

Я не пролезу налегке
По магистральной реке
Автомобиля парой алых точек.

Как мало книг в моем шкафу...
Как хорошо жить наяву...
И отдыхает тяглый позвоночник.

16 апреля 2007.

* * *

Я забыл, как пишутся стихи,
Ибо не хотел решать вопросы.
Лучше поищу свои очки,
Чем себя терзать таким вот образом.

Улица тепла. Журчат слова
И скрипят досужие качели.
В мире преизбыток Божества.
Только очень быстрые недели.

7?8? мая 2007.

* * *

Птицы летают тенями за стеклами,
Бьются в воздушную твердь.
Зелень буянит, как мальчик веселый, -
Верить, ваять и гореть.

Это смешным их могильщику кажется –
Веры, скульптуры, огня.
Месит лопата наволгшую кашу

Месит до Судного дня.

10 мая 2007.

★ ★ ★

Д.Е.

Опять сегодня был счастливый день.
Никто не нахамил – я не ответил.
И не сгущалась надо мною тень,
Как не должна сгущаться бы на свете.
Я вспоминал вчерашний семинар,
А мимо нас собаки пробежали,
И каждый новый воздух, словно дар,
Мы в вечное дыхание принимали.
В июне зелень вольная темней.
Там детский сад, а здесь моторов рыки.
Пойдем туда, к прибежищу камней,
Где заросли травы живой и дикой.
И родственность мне кажется святой.
И небо, превращая свиток свой
То в карту мира, то в подобье битвы,
Скользит иль синевеет на глазах.
Вот первая прогулка не в слезах.
И жизнь опять приблизилась к молитве.

14-15 июня 2007.

ПАМЯТИ ПРИГОВА

Мы сиротеем, не понимая,
Что сиротеем – в своей слепоте.
Может быть, Пригов и жил, играя,
Но врачевал безобразьем людей.
Дело не в -измах, а в шутке шизовой,
И странноватом таращеньи глаз.
Этим юродством избитого слова
Он выражал и себя – и нас.

24-25 июля 2007.

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ

Николаю Поселягину

1

Мир зарабатывает деньги
Воздушно-капельным путем.
Торгует он ногтей отделкой,
Туманом, пивом и г... 1

Не грех, что я не за сохою
Встречаю день, и не мету
Пустырь когтистою метлою.
Пишу!..

- Ату его. Ату!

2

Наперсница на Киевском мосту 2
Подруге говорит темноволосой,
Что та должна бы перекись купить,
И лаку, «чтобы пшикать». Косы

Небрежной и уверенной рукой
Пожамкала: удержится ли краска?
И разговор сменился, речь пошла
О том, что пирсинг делать не опасно.

«Но чтоб не отвалился твой язык,
Не разрешай прокалывать уздечку».
И светлая ей показала свой.
Заканчивался мост чрез Москва-речку.

Я шел на лайнер. Всюду люд честной.
Мужик смеется, чемодан толкая.
Будь век другой, могла быть крепостной
Одна из них, и барышней иная.

3

1 Не допущено ценсурю.

2 Автор имел в виду, по видимости, Бородинский мост.

Но не боится куст цветенья
(За ним, мол, молодость уйдет)!
Покуда собственные тени
Ещё при нас – нам нужен плод.

И солнце знает о закате,
Ещё карабкаясь в зенит.
И воплотившийся писатель
О смерти автора звонит.

О, жизни день, ты коротенец!
Нет, ты такой, какой ты есть.

Мой запеленатый младенец –
О будущем родная весть...

4

Всеядный загс: здесь расторгают браки 3.
Фигак-с: вбегают гости со двора.
Вот пухлый мальчик в бабочке и фраке,
И в белом платье, вслед за ним, сестра,
Чьи клацают танкетки торопливо.
Понуро смотрит очередь на них.
«Помилуй! Нам в другую дверь, Камилла!
С другого входа ждет тебя жених!».

26-27-30 июля 2007.

ШЕПЧУЩЕЕ ИМЯ

Как долго я тебя любил...
Ярослав Лермонтов.

И спасенье уже не обманет.
Алексей Кубрик.

Мы были разными людьми.
Врала, не подавая вида.
Булыжник той, бывлой любви
Мне душу сделал инвалидом.

Но не надейся, я не твой.
Тифозный опыт – опыт тоже.
Уже не манит рыжиной
Косая челка, шелком – кожа.

Одну курила за одной.
Как хорошо, что я не вправе
Вдыхать твой дым полубольной
И повзрослев, читать морали.

И не таинственен ничуть
Тот голос вежливый и нежный,
Когда рассказывала жуть
Своих несчастий, тьмы кромешной.

Как странно то, что я писал.
Как будто дикими крюками
К тебе прицеплен, повисал
Аудиторий потолками.

И сонной патиной покрыт
И детский, и какой-то зверский
Прощальной отповеди стыд,
И поцелуй на Павелецкой...

Не мне подыгрывать, и длить
Девицы умной злую шалость.
Из чувств остались, может быть,
Лишь страх, ирония и жалость.

Как долго соглашалась ты,
Что я не стою и мизинца!
Но боль делить твоей беды,
Не значит грех самоубийства.

В любви опасно стать никем,
И оскорбить нельзя признаньем.
В чулане, в августе, в Кесьме
Я это понял с опозданием.

В любом чулане демон есть
(Цитата: твой любимый Бергман).
Прости оставленную десь,
Но, к счастью, изгнан этот демон.

И жизнь, как Божий день, плотна.
И забываю вспоминать я,
Как нас связала тишина
В осиротевшем интернате.

* десь – мера писчей бумаги (примерно, тетрадка).

14-15-16-17, 18-20 августа 2007 (ночь, день, ночь).

ТРИ ДОЖДЯ

Кто сидит в пустой машине
В самый долгий, сонный час?

Дождь струится и шумит,
Всё сильнее, словно песня,
Словно тонкие березки,
Струи строятся с небес.
Он усилился, и мнит
Добежать до слуха спящих,
Обеляя все пространство
Меж домов, и хлябь дорог.
Ливня шепот шалашовый,
До того сплошной и синий...

Кто гудит в пустой машине
В самый долгий, сонный час?

Знак обидного фагота
Навсегда записан в ноты,
Он в густую даль умчался,
В твой не вкрадываясь сон...

Чей протяжный стон раздался?
Красный чей гудел клаксон?

3 августа 2007.

2

Сегодня осень показала
Свое усталое лицо.
В темнице дома ливень залил
Всех тех, кто свеж и одиноков.
И коренастый надзиратель,
Рукастый дуб, гребет ко мне,
Но мы разомкнутые братья,
И дождь становится сильнее.
Не смерть ли это? Кисть рябины
Стучит костями, в дверь звонят.
Дождь побеждает, и, нахлынув,
Мой затопляет каземат.
Деревья! Стойте недвижимы,
Свобода ваша — не по мне.
И человеческое имя
Пишу на вспененном окне...

7 августа 2007.

3

Слышен колотый лед беспорядочных капель.
Молний блещет в ночи лезвиё.
Гром, как Михель, топчет по крышам ногами.
На сушилках трепещет бельё.

И когда закрываю пропащие рамы,
Засыпаю в предсмертном увы,
Входит солнце, и лужи рубцует, как шрамы –
Вся в зеленке одежда травы.

Двор здоров, и блестит, и навряд ли припомнит
Тектонический треск в вышине.
Я и сам забываю до нового грома,
Что разломы пролягут по мне.

23 августа 2007.

В ПОТЕ ЛИЦА

Нет, я не выберу рекламу,
Я не рекламный господин.
Хотя жена (она же мама,
А я – отец, у нас есть сын)

Мне говорит, что эгоист я.
А я свищу, надувши рот.
И сердце господина свиста
Слеза уже не проберет.

Какой малыш подрос тяжелый!
Иван, давай с тобой играть.
Наверно, снова сунусь в школу.
Чтоб ничего не получать.

Прости, что батя-акробатик
Меж двух стыдов по нитке шел,
И так, и эдак виновател

И падал в огненный шеол.

Я так люблю прощение мамы,
Родной кормилицы твоей!
Но жизнь ведь как бы в долг дана нам
С процентами на склоне дней.

5 сентября 2007.

ОДНОМУ РЫЦАРЮ

«В этой жизни не всё медийно,
Степь, к примеру, и горы, и смерть» –
Так говаривали паладины...
Ночь в пустыне, и звезды: сверк! сверк!
Верно, вы услышали кимвалы?
Как смеркалось, раздули костёр?
В пляске flammy те губы алые
Улыбнулись? Взор был остёр?

Милый Торвальд, не верьте в медийных,
Рыцарь бедный, дружок-доброхот!
Уходите из этой Медины.
Заведите дочь или сына.
Ни к чему вам последний поход.

3, 7 сентября 2007.

ТЯЖЕЛЫЙ ЧАС

В той комнате, в шипящей тишине
Дыханье мужа, потное дыханье.
Пришел с работы, а работы нет.
Так, собеседование, бултыханье.

Он, видите ли, гений-гололоп.
Он всё перебирает «варианты».
Не нравится ему, мол, эта job,
Не нравится «отсутствием таланта».

Он снял рубаху, нервно нагрубив.
Он всё решил, когда смотрел в экраны.
В ней нет ни грамма истинной любви!
Ещё надменней он от новой раны.

Он слышит в сердцевине головы
Как боль ломает кость, сломать не может.
И жизнь бросает в руки: на, лови! –
Сюжет неновый: деньги и художник.

Там человек – задолго до него –
Быть может, это Данте или Лорка,
Что нам оставил слова торжество
А не хозяйство без последней корки...

Неужто он не знал, что он убог?
Что он должник всем тем, кого он встретит?
Но пятки жег магический песок
И куртку трепыхал соленый ветер.

Зеленый, шумный, тяжкий плеск воды
Рождал ответный клекот из аорты.
Он пел про стыд вселенской нищеты,
Почти пропал, как кот чеширскомордый.

На побережье с тенью от скалы
Уж вечер рухнул цербером на плечи.
Морской прибой обтесывал углы
И уносил фрагменты речи...

.....
Тогда услышал шорох за спиной:
Жена боялась, он разбудит сына.
«Нехило свет бы выключить, герой!»
И всхлипнула. Но он это осилил.

В квартире темнота и тишина.
И счетчик не накрутит киловатты.
Она обречена, обручена
Вот с этим траляля придурковатым.

18-19, 20, 21-25 сентября 2007.

* * *

Маркс борется с Христом
В моем усталом сердце.
Но в силлогизме том
Кай, как известно, смертен.

Кай – это я, и я ль
Пред Господом предстану,
Крича: жилья, жилья!
Бряцая капиталом...

Я глиняный горшок.
И на кругу гончарном
Меня вращает Бог.
До обжига вращает.

23, 24 сент 2007.

СНЕГ

1

Я хочу прямоты позвоночника
Не в гробу, не в гробу, не в гробу.
Но пока я справляюсь не очень-то.
Не желаю такого врагу.

В этом доме веселой трагедии
Саша Черный набрал бы тем,
И с цыганами пляшет, с медведями,
Правда временная, метель.

2

Я скороспело милости прошу,
Как будто я её уже достоин,
Через минуту я опять грешу,
И грех мой неизбывен, неумоен.

А снег идет. Сегодня, на Покров,
Траву намокшую совсем он запорошил,
И обеляет каждый из миров
Идущих в храм. И тает на дорожке.

14 октября 2007.

* * *

Я плакал долго. Оттого ли,
Что клетка ширилась от боли
Физической, и снег летел,
И западал в портфель, в закрылки

И жег и таял на затылке,
Мной желчный плач владел?

Иль оттого, что с непривычки,
Мужчина плачет – неприлично?
Давно не плакал, может быть.
Наверняка краснеют веки
От этих всхлипов. В кои веки
Могу повыть.

Был этот вой похож на хохот.
Я душу сдерживал, но плохо,
Под снежный шум, и плакалось само.
Дом разлетелся, как страницы.
Я лишь дойдя до ученицы
Остановиться, отдышаться смог.

Тебе принадлежало право
Реветь. Мне сдерживать порывы,
Терпеть, и я терпел, недотерпел.
Теперь в мелованном пейзаже,
Как будто человек из сажу,
Утерся снегом. Белым снегом. Бел...

Усталость, словно с кем-то дрался.
Такие вещи, друг Гораций...
Бодрее и смелее, грустный гном!
Привет, Марина, это Федя.
Глагол ту би, и в стеклах ветер,
И хлопья, хлопья, хлопья за окном.

5 февраля 2008.

ПРОСНУЛСЯ

Влажный воздух, облако и пар.
Вспышки солнца на стекле машины.
Я не тот угрюмый черный бард,
И в глазах моих уже решимость:

Перепеть ручей, и перенять
Новую весну, её походку,
Жизнь запечатлеть, она меня
Вдаль несет, а я держусь за холку.

2 марта 2008.

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЯ ДЕНЬГИ»

* * *

Офис – это штатская казарма.
Я сидеть – увольте – не хочу.
Я умру без пенсии, нестарым.
Вам, быть может, хватит на свечу.

Ты мне скажешь: гроб недешев нынче,
И не бел, а грязен воротник.
Все равно я, непутевый піпја,
Понесусь к несчастью напрямик.

Я похож на собственный огарок.
Гвоздь по шляпку вбит заподлицо.
Умирать нестарым, нет, недаром
Отпусти меня, в конце концов.

27 марта 2008.

* * *

Я загрубел, как корни у дороги.
Я захромел, и музык не пою,
И в горле, как в реке, гремят пороги,
И лодке слова мчаться не дают.

А где-то зелень праздничного утра
Шумит, как неожиданный ковер.
Я потерял кусочек перламутра.
Я жертва вора. Я же сам и вор.

28 марта 2008. Ночь.

СУМЕРКИ

Теряю прошлое, как будто воробья
Я из манжета выпускаю в воздух.
Мальчишка зябнет, и пустырь морозный
Футбольным неуютом пахнет. Цирк
Уже уехал. Лунапарк – уехал.
И ветер стаю листьев для потехи
Кружит, и теребит последний лист.
Любить! Как много здесь запретных мест.
Как Одинцово необъятно.
Уйдешь туда, и не придешь обратно.
И долго до неслыханной весны.
Что ж! Кутаясь, кому-то засандалить
Снежком, и получить в ответ удар,
И испытать неловкость, стыд и жар
От поцелуя. Оля. Вы не знали,
Что целовался с Ольгой? Не скажу.
Я сам её люблю и ненавижу,
Она порочна и умна, бесстыжа.
И как все это вдруг... Какая жуть.
Пусть там тупик. Там комплекс подростковый,
Там снятые очки и темнота.
Освободись, душа,ними оковы.
Уйди, печаль, чтоб не смешать цвета...

28 марта 2008. Ночь.

конец